

ЛЕКСЕМА «ШАЙТАН» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ

М.Ю. ЛЕРМОНТОВА ДР-ЗАЙНАБ. С. КАМАЛ АЛЬ-ДИН

САММАРА УНИВЕРСИТЕТ

د. زينب صفوان كمال الدين

БЕД. ФАКУЛЬТЕТ

Кавказ всегда привлекал русских людей своей необычной природой, нравами и обычаями людей, которые его населяют. Постепенно Кавказ входит в языковое сознание русских писателей и поэтов. Так, о Кавказе пишут Г.Р. Державин и В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, а позже Л.Н. Толстой, И.А. Бунин, А.И. Приставкин. Безусловно, и у М.Ю. Лермонтова мы видим свое представление о Кавказе, обусловленное не только внешним поверхностным знакомством, но и связанным с ним обстоятельствами жизни великого поэта. Детские поездки, рассказы о набегах горцев, знакомство с казачьими и горскими легендами – все это оставило след в воображении поэта и во многом определило содержание его ранних романтических произведений: «Черкесы», «Кала», «Измаил-бей», «Хаджи-Абрек», «Кавказский пленник», «Аул Бастунджи», «Синие горы Кавказа приветствуют вас...». При этом отметим, что если особенности воплощения образа Кавказа в произведениях М.Ю. Лермонтова рассматриваются в значительном количестве литературоведческих работ,

то лингвистические аспекты создания образа Кавказа в произведениях М.Ю. Лермонтова не получили достаточно полного освещения в современной научной литературе.

В 1838 г., после года первой ссылки на Кавказ, М.Ю. Лермонтов пишет в письме своему другу С.А. Раевскому: «Я буду к тебе писать про страну чудес – Восток. Меня утешают словами Наполеона: *Les grands noms se font à l'Orient* (Великие имена делаются на востоке). Видишь: всё глупости» [1: 6. С. 438]. Шутливый тон этого сообщения отсылает получателя письма масштабной романтической традиции ориентализма, связанной не только с именами Байрона и Пушкина, повлиявшими на становление Лермонтова как поэта, но и с комплексом ориентальных стихотворений, повестей, мемуаров, травелогов и публицистики 1820–1830-х гг. Впервые системно об истоках лермонтовского ориентализма написал Л.П. Гроссман, справедливо указав, что в «обширной и многообразной теме «Азии», которая так привлекала поэта своей глубиной и драматизмом, обнаруживается во всей полноте своеобразная черта его дарования – склонность переживать исторические темы в их соотношении с современностью: классический Рим обращает его к новейшему «европейскому миру», библейский Восток – к судьбам «сынов Солима» в XIX в., древние цивилизации – к протекающей борьбе

колониальных империй с народами Леванта и [закаспийских степей» [2: 43–44. с. 674

Многочисленность произведений Лермонтова, связанных с кавказской темой, различие их жанровой отнесённости и времени написания обусловливают специфический характер выражаемого ими образа. В плане выражения образ Кавказа в художественной картине мира М.Ю. Лермонтова представляет собой сложное образование, поскольку складывается из разнообразных языковых средств, в том числе и с использованием экзотизмов, воплощённых в разножанровых произведениях, и даётся через такие формы выражения художественного сознания, как лирический герой, автор-повествователь, рассказчик, персонаж

Следует также отметить, что образ Кавказа в произведениях М.Ю. Лермонтова представлен в динамике, что связано не только с изменением авторского мировосприятия в силу личностных факторов (взросление, приобретение жизненного опыта), но и с изменением творческих установок, постепенным становлением художественного метода реализма. Несомненно, указанные факторы оказали влияние на лексические особенности образа. Вместе с тем, поскольку данное исследование носит лингвистический характер, представляется правомерным не проводить чёткого разграничения

выявленных лексических единиц в аспекте указанных выше характеристик, по возможности принимая их во внимание.

Отмечая ключевую значимость образа Кавказа для творчества М.Ю. Лермонтова, П.В. Алексеев в своем исследовании пишет, что «если массовую литературу восхищала маскарадная и карнавальная сторона Востока, то Лермонтов, как и Пушкин, в своем творчестве поэтапно формировал то, что позднее назовут западно-восточным синтезом – особое двунациональное восприятие мира, отраженное в художественном тексте» [3, с.7]. Ориентализм М.Ю. Лермонтова был не статическим процессом, а динамическим: поэт постепенно осваивал новые для себя понятия, которые органично входили в его текст. Оказавшись в ссылке на Кавказе, поэт подходит к изучению окружающего мира как исследователь. Лермонтов много времени посвящает чтению художественной и научной литературы, помогающей ему сформировать «собственный творческий метод изображения другой культуры, в котором общеромантический ориентализм углубился серьезным интересом к мусульманскому менталитету в контексте романтических ориентальных стереотипов» [3, с.8

Этап «проникновения» восточной культурой привел Лермонтова к мысли о неизбежном сходстве самых различных культур, закрепленных в различных общих

концептах. Одной из реализаций этой мысли можно считать осмысление поэтом темы демона, беса, шайтана. Восток сыграл большую роль в творчестве М.Ю. Лермонтова особенно важны последние годы жизни поэта, по мнению Ю.М. Лотмана

Этнолингвистический анализ произведений М.Ю. Лермонтова подчеркивает точность и правильность передачи информации о быте, нравах и обычаях, характерных для населения Кавказа. Читающая Россия начала XIX века знакомилась с Востоком не по научным публикациям, а во многом по произведениям русских писателей, в том числе и по произведениям Лермонтова

В творчестве Лермонтова мы видим самые разнообразные оппозиции, связанные с Востоком: это Восток и царская Россия (шире как свобода и несвобода), Восток и Запад, Восток и «север темный». Осмысление поэтом темы Востока носило философско-символический характер, что мы можем наблюдать в раскрытии темы судьбы, свободы, нравственного выбора. В этих же рамках находится и осмысление демонической системы, когда поэт начинает задумываться над темами и сюжетами религиозных систем. В связи с этим в творчестве Лермонтова (возникают образы Демона и Иблиса (Шайтана

В христианской теологии Демон перехватил позицию противопоставления Богу. В контексте дуалистического мировосприятия имеет в виду мир людей представляет собой арену борьбы добра и зла. образ Шайтана, опирающийся на философию свободы, был более человечным, в силу того что демон был осмыслен в соответствии с характерологией человеческого существа, имеющего сильные и слабые стороны.

Как указывает П.В. Алексеев [3, с. 10], коранический Иблис совершенно противоположен христианскому концепту дьявола: он противопоставлен не Аллху, а человеку, основываясь на важнейшем для ислама абсолютном единстве – «**تَوْحِيد**» понятии «таухида Аллаха и его абсолютном величии: в сформированной им вселенной нет ничего. Шайтан в религии Ислама причиняет вред человеку, соблазняет его, но есть ключевой нюанс: он поступает так, в «**مَكْتُوبٍ**» «**قدْرٍ**» соответствии со своей судьбой («мактуб изначально задуманный Аллхом для испытания я человека

В данном исследовании мы обратимся лексеме «шайтан», посмотрим, каким образом она используется в творчестве Лермонтова, какое значение имеет

Данная лексема впервые отмечается в словаре В.И. Даля [5:17; с. 1241–1242] как татарское в значении «черт, дьявол, бес, сатана», в других

значениях – астраханское и уфимское [6:4; с. 618–619], вост.-русск. (со ссылкой на 3-е издание словаря Даля [7:4; с. 395]). Слово известно современному русскому литературному языку в значении: «1. В религиозных представлениях мусульман – дьявол» (в том числе и в сравнении), «2. Родовой дух, тотем у Народов Севера и Сибири (название дано русскими)» [5:17; 1241 – .[1242

Возводится к арабскому [8, с.197; 9, с. 74; 10, с. 158] «сатана, дьявол» [5:17; с. 1241–1242], «измененному фонетически из сатана» и «проникшему вместе с исламом в большинство тюркских языков, и оттуда, очевидно, и в русский» [11, с.36]. К числу посредников относят турецко-османское «шайтан» [12.:2; с.1225]; кыпчакское, казахское, киргзское, татарское «черт» [7:4; с.395], точнее, учитывая наибольшую вероятность отражения в текстах произведений указанных писателей форм тюркских языков Северного Кавказа, – из кумыкского, ногайского, кабардино-балкарского шайтан, но не азербайджанского шетан/шетлан, чечено-ингушский шайтла "черт, дьявол, сатана", турецкий *seitan*. Вместе с тем в материалах словаря В.И. Даля могло отразиться ввиду давней географической смежности с русским языком татарское шайтан

Лексема «шайтан» встречается в творчестве М.Ю. Лермонтова 6 раз, из них 4 раза в ранней поэме «Измаил-Бей». (Отметим, что лексема «дьявол» и его производные также употребляются нечасто – 10 раз). Трижды лексема «шайтан» обозначает название горы. Однако, помимо того, что лексема является топонимом, она обретает и дополнительный смысл, отсылая нас к изначальному значению

Впервые лексема «шайтан» употребляется Лермонтовым в завязке сюжета, когда Измаил-Бей возвращается в родной аул. Отрицательное сравнение используется как напоминание герою о том, что его

: ждут не враги, а его народ

Не очи злобного шайтана

: Светились в ущельи том

. (Измаил-Бей [1:3, с. 167])

Образ горы Шайтан появляется в поэме после спора Измаила с людьми родного аула. Покинув аул, Измаил располагается у подножия «ужасной» горы. Здесь Лермонтов приводит одно из преданий, запечатлевшее противостояние пророка и шайтана

‘Ужасны ты, гора Шайтан

.....

.Стрелой пророку угрожал

.([Измаил-Бей [1:3, с. 187)

В целом, образ горы Шайтан несет отрицательную коннотацию, он сопровождает героя в минуты трудных решений, словно предрекая ему нелегкую судьбу. В эпизоде о соблазнении северной девушки, чужой невесты Измаилом гора Шайтан упоминается дважды, словно заставляя читателя увидеть в поведении главного героя нечто дьявольское

И на верху горы Шайтана

‘О г о н ь , стыдясь перед зарей

.....

.([Измаил-Бей [1:3, с. 197)

Таким образом, лексема «шайтан», упомянутая в поэме, несет и дополнительный смысл, обрастая поэтическими ассоциациями. С.Л. Шараков указывает, что поэма построена на библейских реминисценциях, которые сближают главного героя поэмы с героями библейских сюжетов. Таким образом, гора Шайтан создает дополнительные ассоциации с мифологическими сюжетами, соединяя поэму не только с христианскими источниками, но и с восточной мифологией. Образ Измаила частично перерастает символ и становится мифом. Так, герой наделяет ся

мощным умом, не знающим забвенья. Память — основа мышления. Известно, что забвения не знают ангелы, так как не имеют текущего, как у человека, тела. Не случайно герой сравнивается с духом, с ангелом-истребителем. С этой точки зрения, Измаил и .[есть демон [13, с. 50

Также лексема «шайтан» дважды встречается в поэме «Аул Бастунджи». Как и в поэме «Измаил-Бей», здесь лексема «шайтан» также предваряет трагические события. После трагического разговора двух братьев, когда Акбулат отказывается уступить свою жену брату, Селим седлает коня и покидает брата. И здесь :Лермонтов сравнивает героя с шайтаном

! Велик аллах!.. ужасна власть шайтана

.([Аул Бастунджи [1:3, с. 256)

И второй раз поэт называет Селима «шайтаном» после :совершения им злодеяния — «!Молитесь, дети! это смех шайтана»

.([Аул Бастунджи [1:3, с. 265)

Таким образом, рассмотренный материал позволяет нам говорить о том, что лексема «шайтан»

несет в себе приметы восточного мира, связывает героев с религиозной и мифологической сферой бытия. Являясь частью «восточной» картины мира Лермонтова, лексема «шайтан» несет в себе отрицательную коннотацию

ЛИТЕРАТУРА

Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений : в 6 т./ М.Ю. . ١

.Лермонтов – М. ; Л., 1954–1957

Гроссман Л. Лермонтов и культуры Востока // Л. Гроссман / .٢

.Литературное наследство. – М., 1941

Алексеев П.В. Восточный текст в поэтике М.Ю. Лермонтова // .٣

П.В. Алексеев /Вестник Томского государственного университета. –

.2013. № 374. – С. 7–10

Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего .٤

Лермонтова // Ю.М. Лотман/ .Лермонтовский сборник. — Л.:

.Наука, 1985. — С. 5—22

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / .٥

Ин-т рус. яз. АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1948–

.1965.– Т. 1–17

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – .٦

М., 1981–1982. – Т. I–IV

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., .٧

.1964–1973. – Т. I–IV

Филоненко В.И. Восточная лексика в произведениях .٨

М.Ю.Лермонтова // В.И. Филоненко / Вопросы современного

руссского языка и истории его развития. Научные труды КГПИ. –
Краснодар, 1966. – вып.44. – С.191–206

Бигаев Р.М. Восточные лексические заимствования в .^۱
произведениях Пушкина, Лермонтова и Толстого // Р.М. Бигаев/
Ученые записки Ташкентского государственного педагогического и
учительского института им.Низами, серия общественных наук. –
Вып.1. – Ташкент, 1947. – С.69–80.13

Гальченко И.В. Глоссарий лексики языков народов Северного .^۱
.Кавказа в русском языке. – Орджоникидзе, 1975

Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Н.К. .^{۱۱}
Дмитриев / Лексикографический сборник. – Вып.3. – М., 1958. –
С.3–47

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского .^{۱۲}
.языка. / А.Г. Преображенский – М., 1959. – Т.1–2

Шараков С.Л. Идейно–художественная доминанта поэмы М.Ю. .^{۱۳}
Лермонтова «Измаил–Бей»// С.Л. Шараков / Вестник
Новгородского государственного университета. Новгород, 2014. –
№83, Ч.1 – с. 47–51

The article discusses the importance of language in the work of
the eastern M. Lermontov, in particular, analyze the origin of the token
."Satan " and its meaning in the linguistic picture of the world of the poet